

P1
T 53
TΦ

223

81

Т53

—
Из следующего
Чи св. Ап. Марии
СОЧИНЕНИЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

АННА КАРЕНИНА

Томъ III

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова, (бывшая М. Н. Лаврова и К°),
Леонтьевской переулокъ, домъ Лаврова.

1886.

МУК «Тульская
библиотечная система»

А Н Н А К А Р Е Н И Н А

Т о мъ III.

АННА КАРЕНИНА.

РОМАНЪ

ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.

АННА КАРЕНИНА.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

Дарья Александровна проводила лѣто съ дѣтьми въ Покровскомъ, у сестры своей, Кити Левиной. Въ ея имѣнны домъ совсѣмъ развалился, и Левинъ съ женой уговорили ее провести лѣто у нихъ. Степанъ Аркадьевичъ очень одобрилъ это устройство. Онъ говорилъ, что очень со- жалѣеть, что служба мѣшаетъ ему провести съ семействомъ лѣто въ деревнѣ, чтѣ для него было бы высшимъ счастіемъ, и, оставаясь въ Москвѣ, прїѣзжалъ изрѣдка въ деревню на день и два. Кромѣ Облонскихъ, со всѣми дѣтьми и гувернанткой, въ это лѣто гостила у Левиныхъ еще старая княгиня, считавшая своимъ долгомъ слѣдить за неопытною дочерью, находившеюся въ такомъ положеніи. Кромѣ того, Варенька, заграничная пріятельница Кити, исполнила свое обѣщаніе — прїѣхать къ ней, когда Кити будетъ замужемъ, — и гостила у своего друга. Все это были родные и друзья жены Левина. И, хотя онъ всѣхъ ихъ любилъ, ему немного жалко было своего Ле-

винского міра и порядка, который былъ заглушаемъ этимъ наплывомъ «Щербацкаго элемента,» какъ онъ говорилъ себѣ. Изъ его родныхъ гостиль въ это лѣто у нихъ одинъ Сергѣй Ивановичъ, но и тотъ былъ не Левинскаго, а Козыншевскаго склада человѣкъ, такъ-что Левинскій духъ совершенно уничтожался.

Въ Левинскомъ, давно пустынномъ домѣ теперь было такъ много народа, что почти всѣ комнаты были заняты, и почти каждый день старой княгинѣ приходилось, садясь за столъ, пересчитывать всѣхъ и отсаживать тринадцатаго внука или внучку за особенный столикъ. И для Кити, старательно занимавшейся хозяйствомъ, было не мало хлопотъ о пріобрѣтеніи куръ, индошекъ, утокъ, которыхъ при лѣтнихъ аппетитахъ гостей и дѣтей выходило очень много.

Все семейство сидѣло за обѣдомъ. Дѣти Долли съ гувернанткой и Варенькой дѣлали планы о томъ, куда идти за грибами. Сергѣй Ивановичъ, пользовавшійся между всѣми гостями уваженiemъ къ его уму и учености, доходившимъ почти до поклоненія, удивилъ всѣхъ вмѣшившись въ разговоръ о грибахъ.

— И меня возьмите съ собой. Я очень люблю ходить за грибами,— сказалъ онъ, глядя на Вареньку,— я нахожу что это очень хорошее занятіе.

— Что-жъ, мы очень рады,— покраснѣвъ, отвѣчала Варенька. Кити значительно переглянулась съ Долли. Предложеніе ученаго и умнаго Сергѣя Ивановича идти за грибами съ Варенькой подтверждало нѣкотороя предположенія Кити, въ послѣднее время очень ее занимавшія. Она поспѣшила заговорить съ матерью, чтобы взглядъ ея не былъ замѣченъ. Послѣ обѣда, Сергѣй Ивановичъ сѣлъ со своею чашкою кофе у окна въ гостиной, продолжая

начатый разговоръ съ братомъ и поглядывая на дверь, изъ которой должны были выйти дѣти, собиравшіяся за грибами. Левинъ присѣлъ на окнѣ возлѣ брата.

Кити стояла подлѣ мужа, очевидно дожидаясь конца неинтересовавшаго ея разговора, чтобы сказать ему что-то.

— Ты во многомъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ женился, и къ лучшему,— сказалъ Сергѣй Ивановичъ, улыбаясь Кити, и очевидно мало интересуясь начатымъ разговоромъ,— но остался вѣренъ своей страсти защищать самыя парадоксальные темы.

— Катя, тебѣ не хорошо стоять,— сказалъ ей мужъ, подвигая ей стулъ, и значительно глядя на нее.

— Ну, да впрочемъ и некогда,— прибавилъ Сергѣй Ивановичъ, увидавъ выбѣгавшихъ дѣтей.

Впереди всѣхъ, бокомъ, галопомъ, въ своихъ натянутыхъ чулкахъ, махая корзинкой и шляпой Сергѣя Ивановича, прямо на него бѣжала Таня.

Смѣло подбѣжалъ къ Сергѣю Ивановичу и блестя глазами, столь похожими на прекрасные глаза отца, она подала Сергѣю Ивановичу его шляпу, и сдѣлала видъ, что хочетъ надѣть на него, робкою и нѣжною улыбкой смягчая свою вольность.

— Варенька ждетъ,— сказала она, осторожно надѣвая на него шляпу, по улыбкѣ Сергѣя Ивановича увидавъ, что это было можно.

Варенька стояла въ дверяхъ, переодѣтая въ желтое ситцевое платье, съ повязаннымъ на головѣ бѣлымъ платкомъ.

— Иду, иду, Варвара Андреевна,— сказалъ Сергѣй Ивановичъ, допивая изъ чашки кофей и разбиная по карманамъ платокъ и сигарочницу.

— А чѣмъ за прелесть моя Варенька! А?— сказала Кити мужу, какъ только Сергѣй Ивановичъ всталъ. Она ска-

зала это такъ, что Сергѣй Ивановичъ могъ слышать ее, чего она очевидно хотѣла.— И какъ она красива, благородно красива! Варенька!— прокричала Кити.— Вы будете въ мельничномъ лѣсу? Мы пріѣдемъ къ вамъ.

— Ты рѣшительно забываешь свое положеніе, Кити,— проговорила старая княгиня, поспѣшно выходя изъ двери.— Тебѣ нельзя такъ кричать.

Варенька, услыхавъ голосъ Кити и выговоръ ея матери, быстро легкими шагами подошла къ Кити. Быстрота движений, краска, покрывающая оживленное лицо,— все показывало, что въ ней происходило что-то необыкновенное. Кити знала, что было это необыкновенное, и внимательно слѣдила за ней. Она теперь позвала Вареньку только затѣмъ, чтобы мысленно благословить ее на то важное событіе, которое, по мысли Кити, должно было совершиться нынче, послѣ обѣда, въ лѣсу.

— Варенька, я очень счастлива буду, если случится одна вещь,— шепотомъ сказала она, цѣлюя ее.

— А вы съ нами пойдете?— смѣтившись, сказала Варенька Левину, дѣлая видъ, что не слыхала того, что ей было сказано.

— Я пойду, но только до гумна, и тамъ останусь.

— Ну что тебѣ за охота?— сказала Кити.

— Нужно, новыя фуры взглянуть и учесть,— сказалъ Левинъ;— а ты гдѣ будешь?

— На террасѣ.

II.

На террасѣ собралось все женское общество. Онѣ и вообще любили сидѣть тамъ послѣ обѣда, но нынче тамъ было еще и дѣло. Кромѣ шитья распашенокъ и вязанья

свивальниковъ, которымъ всѣ были заняты, нынче тамъ варилось варенье по новой для Агаѳы Михайловны методѣ, безъ прибавленія воды. Кити вводила эту новую методу, употреблявшуюся у нихъ дома. Агаѳа Михайловна, которой прежде поручено было это дѣло, считая, что то, что дѣлалось въ домѣ Левиныхъ, не могло быть дурно, все-таки налила воды въ клубнику и землянику, утверждая, что это невозможно иначе; она была уличена въ этомъ, и теперь варилась малина при всѣхъ, и Агаѳа Михайловна должна была быть приведена къ убѣжденію, что и безъ воды варенье выйдетъ хорошо.

Агаѳа Михайловна, съ разгоряченнымъ и огорченнымъ лицомъ, спутанными волосами и обнаженными по локоть худыми руками, кругообразно покачивала тазикъ надъ жаровней и мрачно смотрѣла на малину, отъ всей души желая, чтобы она застыла и не проварилась. Княгиня, чувствуя, что на нее, какъ на главную совѣтницу по варкѣ малины, долженъ быть направленъ гневъ Агаѳы Михайловны, старалась сдѣлать видъ, что она занята другимъ и не интересуется малиной, говорила о постороннемъ, но искоса поглядывала на жаровню.

— Я на дешевомъ товарѣ всегда платья дѣвушкамъ покупаю сама, — говорила княгиня, продолжая начатый разговоръ... Не снять ли теперь пѣнокъ, голубушка? — прибавила она, обращаясь къ Агаѳѣ Михайловнѣ. — Совсѣмъ тебѣ не нужно это дѣлать самой, и жарко, — остановила она Кити.

— Я сдѣлаю, — сказала Долли, и, вставъ, осторожно стала водить ложкой по пѣнящемуся сахару, изрѣдка, чтобы отлѣпить отъ ложки приставшее къ ней, постукивая ею по тарелкѣ, покрытой уже разноцвѣтными, желто-розовыми, съ подтекающимъ кровянымъ сиропомъ, пѣн-

ками. «Какъ они будуть это лизать съ чаемъ!» думала она о своихъ дѣтяхъ, вспоминая, какъ она сама, бывши ребенкомъ, удивлялась, что большіе не Ѵдятъ самаго лучшаго — пѣнокъ.

— Стива говоритъ, что гораздо лучше давать деньги,— продолжала между тѣмъ Долли начатый занимательный разговоръ о томъ, какъ лучше дарить людей,— но...

— Какъ можно деньги!—въ одинъ голосъ заговорили княгиня и Кити.— Онѣ цѣнятъ это.

— Ну, я, напримѣръ, въ прошломъ году купила нашей Матренѣ Семеновнѣ не поплинъ, а въ родѣ этого,— сказала княгиня.

— Я помню, она въ ваши имянины въ немъ была.

— Премиленькій узоръ; — такъ просто и благородно. Я сама хотѣла себѣ сдѣлать, еслибъ у ней не было. Въ родѣ какъ у Вареньки. Такъ мило и дешево.

— Ну, теперь, кажется, готово, — сказала Долли, спуская сиропъ съ ложки.

— Когда крендельками, тогда готово. Еще поварите,— Агаѳья Михайловна.

— Эти мухи!—сердито сказала Агаѳья Михайловна.— Все то же будетъ, — прибавила она.

— Ахъ, какъ онъ милъ, не пугайте его!—неожиданно сказала Кити, глядя на воробья, который сѣлъ на перила, и, перевернувъ стерженекъ малины, сталъ клевать его.

— Да, но ты бы подальше отъ жаровни, — сказала мать.

— A propos de Варенька,—сказала Кити по-французски, какъ онѣ и все время говорили, чтобъ Агаѳья Михайловна не понимала ихъ. — Вы знаете, маман, что я нынче почему-то жду рѣшенія. Вы понимаете какого. Какъ бы хорошо было!

— Однако, какова мастерица сваха! — сказала Долли. — Какъ она осторожно и ловко сводить ихъ...

— Нѣтъ, скажите, мама, чтѣ вы думаете?

— Да чтѣ же думать? Онъ (онъ разумѣлся Сергѣй Ивановичъ) могъ всегда сдѣлать первую партію въ Россіи; теперь онъ ужъ не такъ молодъ, но все-таки, я знаю, за него и теперь пошли бы многія... Она очень добрая, но онъ могъ бы...

— Нѣтъ, вы поймите, мама, почему для него и для нея лучше нельзѧ придумать. Первое — она прелесть! — сказала Кити, загнувъ одинъ палецъ.

— Она очень нравится ему, это вѣрно, — подтвердила Долли.

— Потомъ, онъ такое занимаетъ положеніе въ свѣтѣ, что ему ни состояніе, ни положеніе въ свѣтѣ его жены совершенно не нужны. Ему нужно одно — хорошую, милую жену, спокойную.

— Да, ужъ съ ней можно быть спокойнымъ, — подтвердила Долли.

— Третье, чтобъ она его любила. И это есть... То-есть это такъ бы хорошо было!... Жду, что вотъ они явятся изъ лѣса и все рѣшится. Я сейчасъ увижу по глазамъ. Я бы такъ рада была! Какъ ты думаешь, Долли?

— Да ты не волнуйся. Тебѣ совсѣмъ не нужно волноваться, — сказала мать.

— Да я не волнуюсь, мама. Мнѣ кажется, что онъ нынче сдѣлаетъ предложеніе.

— Ахъ, это такъ странно, какъ и когда мушка дѣлаетъ предложеніе... Есть какая-то преграда, и вдругъ она прорвется, — сказала Долли, задумчиво улыбаясь и вспоминая свое прошедшее со Степаномъ Аркадьевичемъ.

— Мама, какъ вамъ папа сдѣлалъ предложеніе? вдругъ спросила Кити.

— Ничего необыкновенного не было, очень просто,— отвѣчала княгиня, но лицо ея все просияло отъ этого воспоминанія.

— Нѣтъ, но какъ? Вы все-таки его любили, прежде чѣмъ вамъ позволили говорить?

Кити испытывала особенную прелесть въ томъ, что она съ матерью теперь могла говорить, какъ съ равною, объ этихъ самыхъ главныхъ вопросахъ въ жизни женщины.

— Разумѣется, любилъ; онъ ѿздили къ намъ въ деревню.

— Но какъ рѣшилось? Мама?

— Ты думаешьъ вѣрно, что вы что-нибудь новое выдумали? Все одно и то же: рѣшилось глазами, улыбками...

— Какъ вы это хорошо сказали, мама! Именно глазами и улыбками,— подтвердила Долли.

— Но какія слова онъ говорилъ?

— Какія тебѣ Костя говорилъ?

— Онъ писалъ мѣломъ. Это было удивительно... Какъ это мнѣ давно кажется! — сказала она.

И три женщины задумались объ одномъ и томъ же. Кити первая прервала молчаніе. Ей вспомнилась вся эта послѣдняя, предъ ея замужествомъ, зима и ея увлеченіе Бронскимъ.

— Одно... это прежняя пассива Вареньки,—сказала она, по естественной связи мысли вспомнивъ объ этомъ. — Я хотѣла сказать какъ-нибудь Сергею Ивановичу, приготовить его. Они всѣ мужчины, — прибавила она, — ужасно ревнивы къ нашему прошедшему.

— Не всѣ,—сказала Долли.—Ты это судишь по сво-

ему мужу. Онъ до сихъ поръ мучается воспоминанiemъ о Вронскомъ. Да? Правда вѣдь?

— Правда, — задумчиво улыбаясь глазами, отвѣчала Кити.

— Только я не знаю, — вступилась княгиня мать за свое материнское наблюденіе за дочерью,—какое же твое прошедшее могло его беспокоить? Что Вронскій ухаживалъ за тобой?—это бываетъ съ каждою дѣвушкой.

— Ну, да не про это мы говоримъ, — покраснѣвъ—сказала Кити.

— Нѣтъ, позволь,—продолжала мать,—и потомъ, ты сама мнѣ не хотѣла позволить переговорить съ Вронскимъ. Помнишь?

— Ахъ, мама!—съ выражениемъ страданія сказала Кити.

— Теперь вѣсъ не удержишь... Отношенія твои и не могли зайти дальше, чѣмъ должно; я бы сама вызвала его. Впрочемъ, тебѣ, моя душа, не годится волноваться. Пожалуйста, помни это, и успокойся.

— Я совершенно спокойна, маман.

— Какъ счастливо вышло тогда для Кити, что пріѣхала Анна,—сказала Долли,—и какъ несчастливо для нея. Вотъ именно наоборотъ,—прибавила она, пораженная своею мыслью.—Тогда Анна такъ была счастлива, а Кити себя считала несчастливой. Какъ совсѣмъ наоборотъ! Я часто о ней думаю.

— Есть о комъ думать! Гадкая, отвратительная женщина, безъ сердца,—сказала мать, не могшая забыть, что Кити вышла не за Вронскаго, а за Левина.

— Что за охота про это говорить,—съ досадой сказала Кити:—я обѣ этомъ не думаю и не хочу думать... И не хочу думать,—проговорила она, прислушиваясь къ знакомымъ шагамъ мужа по лѣстницѣ террасы.

— О чём это: и не хочу думать? — спросил Левинъ, входя на террасу.

Но никто не отвѣтилъ ему, и онъ не повторилъ вопроса.

— Мне жалко, что я разстроилъ ваше женское царство, — сказалъ онъ, недовольно оглянувшись всѣхъ и понявъ, что говорили о чёмъ-то такомъ, чего бы не стали говорить при немъ.

На секунду онъ почувствовалъ, что раздѣляетъ чувство Агаѳы Михайловны, недовольство на то, что варятъ ма-лину безъ воды и вообще на чуждое Щербацкое вліяніе. Онъ улыбнулся однако и подошелъ къ Кити.

— Ну что? — спросилъ онъ ее, съ тѣмъ самымъ выражениемъ глядя на нее, съ которымъ теперь всѣ обращались къ ней.

— Ничего, прекрасно, — улыбаясь сказала Кити, — а у тебя какъ?

— Да втрое больше везутъ, чѣмъ телѣга. Такъ Ѣхать за дѣтьми? Я велѣлъ закладывать.

— Что жъ, ты хочешь Кити на линейкѣ везти? — съ упрекомъ сказала мать.

— Да вѣдь шагомъ, княгиня.

Левинъ никогда не называлъ княгиню татан, какъ это дѣлаютъ зятья, и это было непріятно княгинѣ. Но Левинъ, несмотря на то, что онъ очень любилъ и уважалъ княгиню, не могъ, не осквернивъ чувства къ своей умершей матери, называть ее такъ.

— Поѣдемте съ нами, татан, сказала Кити.

— Не хочу я смотрѣть на эти безразсудства.

— Ну, я пѣшкомъ пойду. Вѣдь мнѣ здорово. — Кити встала, подошла къ мужу и взяла его за руку.

— Здорово, но все въ мѣру, — сказала княгиня.

— Ну что, Агаѳа Михайловна, готово варенье? —

сказалъ Левинъ, улыбаясь Агаѳѣ Михайловнѣ и желая развеселить ее.—Хорошо по новому?

— Должно-быть хорошо. По нашему, переварено.

— Оно и лучше, Агаѳѧ Михайловна, не прокиснетъ, а то у насъ ледъ теперь ужъ растаялъ, а беречь негдѣ,— сказала Кити, тотчасъ же понявъ намѣреніе мужа и сѣ тѣмъ же чувствомъ обращаясь къ старухѣ. — За то ваше соленѣе такое, что мама говорить, нигдѣ такого не ъдала, — прибавила она, улыбаясь и поправляя на ней косынку.

Агаѳѧ Михайловна посмотрѣла на Кити сердито.

— Вы меня не утѣшайте, барыня. Я вотъ посмотрю на васъ съ нимъ, мнѣ и весело,—сказала она, и это грубоѣ выраженіе *съ нимъ*, а не *съ ними*, тронуло Кити.

— Поѣдемте съ нами за грибами, вы намъ мѣста покажете.—Агаѳѧ Михайловна улыбнулась, покачала головой, какъ бы говоря: «и рада бы посердиться на васъ да нельзя».

— Сдѣлайте пожалуйста по моему совѣту,—сказала старая княгиня,—сверхъ варенья положите бумажку и ро- момъ намочите: и безо льда никогда плесени не будетъ.

III.

Кити была въ особенности рада случаю побыть съ глазу на глазъ съ мужемъ, потому-что она замѣтила, какъ тѣнь огорченія пробѣжала на его, такъ живо все отражающемъ лицѣ въ ту минуту, какъ онъ вошелъ на террасу и спросилъ, о чёмъ говорили, и ему не отвѣчали.

Когда они пошли пѣшкомъ впередъ другихъ, и вышли изъ виду дома на накатанную, пыльную и усыпанную ржавыми колосьями и зернами дорогу, она крѣпче оперлась

на его руку и прижала ее къ себѣ. Онъ уже забылъ о минутномъ непріятномъ впечатлѣніи, и наединѣ съ нею испытывалъ, теперь, когда мысль о ея беременности ни на минуту не покидала его, то, еще новое для него и радостное, совершенно чистое отъ чувственности наслажденіе близости къ любимой женщинѣ. Говорить было нечего, но ему хотѣлось слышать звукъ ея голоса, такъ же, какъ и взглядъ, измѣнившагося теперь при беременности. Въ голосѣ, какъ и во взглядѣ, была мягкость и серіозность, подобная той, которая бываетъ у людей, постоянно сосредоточенныхъ надъ однимъ любимымъ дѣломъ.

— Такъ ты не устанешь? Упираясь больше,— сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я такъ рада слушаю побывать съ тобою наединѣ, и признаюсь, какъ ни хорошо мнѣ съ ними, жалко нашихъ зимнихъ вечеровъ вдвоемъ.

— То было хорошо, а это еще лучше. Оба лучше,— сказалъ онъ, прижимая ея руку.

— Ты знаешь, про что мы говорили, когда ты вошелъ?

— Про варенье?

— Да, и про варенье; но потомъ, о томъ, какъ дѣлаютъ предложеніе.

— А!— сказалъ Левинъ, болѣе слушая звукъ ея голоса, чѣмъ слова, которыя она говорила, все время думая о дорогѣ, которая шла теперь лѣсомъ, и обходя тѣ мѣста, гдѣ бы она могла невѣрно ступить.

— И о Сергѣѣ Иванычѣ и Варенькѣ. Ты замѣтилъ?... Я очень желаю этого,— продолжала она.— Какъ ты обѣ этомъ думаешь?— И она заглянула ему въ лицо.

— Не знаю, что думать,— улыбаясь отвѣчалъ Левинъ.— Сергѣй въ этомъ отношеніи очень страненъ для меня. Я вѣдь рассказывалъ...

— Да, что онъ былъ влюблёнъ въ эту девушку, которая умерла...

— Это было, когда я былъ ребенкомъ; я знаю это по преданіямъ. Я помню его тогда. Онъ былъ удивительно милъ. Но съ тѣхъ поръ, я наблюдаю его съ женщинами: онъ любезенъ, нѣкоторыя ему нравятся, но чувствуешь, что онъ для него просто люди, а не женщины.

— Да, но теперь съ Варенькой... Кажется, что-то есть...

— Можетъ быть и есть... Но его надо знать... Онъ особенный, удивительный человѣкъ. Онъ живетъ одною духовною жизнью. Онъ слишкомъ чистый и высокой души человѣкъ.

— Какъ? Развѣ это унизить его?

— Нѣтъ, но онъ такъ привыкъ жить одною духовною жизнью, что не можетъ примириться съ дѣйствительностью, а Варенька все-таки дѣйствительность.

Левинъ уже привыкъ теперь смѣло говорить свою мысль, не давая себѣ труда облекать ее въ точныя слова; онъ зналъ, что жена, въ такія любовныя минуты, какъ теперь, пойметъ, что онъ хочетъ сказать, съ намека, и она поняла его.

— Да, но въ ней нѣтъ этой дѣйствительности, какъ во мнѣ; я понимаю, что онъ меня никогда бы не полюбилъ. Она вся духовная...

— Ну нѣтъ, онъ тебя такъ любить, и мнѣ это всегда такъ приятно, что мои тебя любятъ...

— Да, онъ ко мнѣ добръ, но...

— Но не такъ, какъ съ Николенькой покойнымъ... вы полюбили другъ друга,— докончилъ Левинъ.— Отчего не говорить?— прибавилъ онъ.— Я иногда упрекаю себя: кончится тѣмъ, что забудешь. Ахъ, какой былъ ужасный и

прелестный человѣкъ... Да, такъ о чёмъ же мы говорили?— помолчавъ, сказалъ Левинъ.

— Ты думаешь, что онъ не можетъ влюбиться, переводя на свой языкъ, сказала Кити.

— Не то-что не можетъ влюбиться,— улыбаясь, сказалъ Левинъ,— но у него нѣтъ той слабости, которая нужна... Я всегда завидовалъ ему, и теперь даже, когда я такъ счастливъ, все-таки завидую.

— Завидуешь, что онъ не можетъ влюбиться?

— Я завидую тому, что онъ лучше меня,— улыбаясь, сказалъ Левинъ.— Онъ живеть не для себя. У него вся жизнь подчинена долгу. И потому онъ можетъ быть спокоенъ и доволенъ.

— А ты?— съ насмѣшиливою, любовною улыбкой сказала Кити.

Она никакъ не могла бы выразить тотъ ходъ мыслей, который заставлялъ ее улыбаться; но послѣдній выводъ былъ тотъ, что мужъ ея, восхищающійся братомъ и унижающій себя предъ нимъ, былъ неискрененъ. Кити знала, что эта неискренность его происходила отъ любви къ брату, отъ чувства совѣстливости за то, что онъ слишкомъ счастливъ, и въ особенности отъ неоставляющего его желанія быть лучше,— она любила это въ немъ, и потому улыбалась.

— А ты? Чѣмъ же ты недоволенъ?— спросила она съ тою же улыбкой.

Ея недовѣріе къ его недовольству собой радовало его, и онъ безсознательно вызывалъ ее на то, чтобы она высказала причины своего недовѣрія.

— Я счастливъ, но недоволенъ собой... сказалъ онъ.

— Такъ какъ же ты можешь быть недоволенъ, если ты счастливъ?

— То-есть, какъ сказать?... Я по душѣ ничего не желаю кромѣ того, чтобы вотъ ты не споткнулась. Ахъ, да вѣдь нельзя же такъ прыгать!— прервалъ онъ свой разговоръ упрекомъ за то, что она сдѣлала слишкомъ быстрое движеніе, переступая черезъ лежавшій на тропинкѣ сукъ.— Но, когда я разсуждаю о себѣ и сравниваю себя съ другими, особенно съ братомъ, я чувствую, что я плохъ.

— Да чѣмъ же?— съ тою же улыбкой продолжала Кити:— развѣ ты тоже не дѣлаешь для другихъ? И твои хутора, и твое хозяйство, и твоя книга?...

— Нѣтъ, я чувствую и особенно теперь: ты виновата,— сказалъ онъ, прижавъ ея руку,— что это не то. Я дѣлаю это такъ, слегка. Еслибъ я могъ любить все это дѣло, какъ я люблю тебя... а то я послѣднее время дѣлаю, какъ заданный урокъ.

— Ну, что ты скажешь про папа?— спросила Кити.— Что жъ и онъ плохъ, потому что ничего не дѣлалъ для общаго дѣла?

— Онъ?— нѣтъ. Но надо имѣть ту простоту, ясность, доброту, какъ твой отецъ; а у меня есть ли это? Я не дѣлаю, и мучаюсь. Все это ты надѣлала. Когда тебя не было и не было еще этого,— сказалъ онъ со взглядомъ на ея животъ, который она поняла,— я всѣ свои силы клалъ на дѣло; а теперь не могу, и мнѣ совѣстно; я дѣлаю именно, какъ заданный урокъ, я притворяюсь...

— Ну, а захотѣлъ бы ты сейчасъ промѣняться съ Сергеемъ Ивановичемъ?— сказала Кити.— Захотѣлъ бы ты дѣлать это общее дѣло и любить этотъ заданный урокъ, какъ онъ, и только?

— Разумѣется нѣтъ,— сказалъ Левинъ.— Впрочемъ, я такъ счастливъ, что ничего не понимаю. А ты ужъ

думаешь, что онъ нынче сдѣлаетъ предложеніе? — прибавилъ онъ, помолчавъ.

— И думаю, и нѣтъ. Только мнѣ ужасно хочется. Вотъ постой. — Она нагнулась и сорвала на краю дороги дикую ромашку. — Ну считай: сдѣлаетъ, не сдѣлаетъ предложеніе, — сказала она, подавая ему цветокъ.

— Сдѣлаетъ, не сдѣлаетъ, — говорилъ Левинъ, обрывая бѣлые узкие продороженные лепестки.

— Нѣтъ, нѣтъ! — схвативъ его за руку, остановила его Кити, съ волненiemъ слѣдившая за его пальцами. — Ты два оторвалъ.

— Ну, за то вотъ этотъ маленький не въ счетъ, — сказала Левинъ, срываю коротенький недоросшій лепестокъ. — Вотъ и линейка догнала насъ.

— Не устала ли ты, Кити? — прокричала княгиня.

— Нисколько.

— А то садись, если лошади смирины, и шагомъ.

Но не стоило садиться. Было уже близко, и всѣ пошли пѣшкомъ.

IV.

Варенька, въ своемъ бѣломъ платкѣ на черныхъ волосахъ, окруженнная дѣтьми, добродушно и весело занятая ими, и очевидно взволнованная возможностью объясненія съ нравящимся ей мушиной, была очень привлекательна. Сергѣй Ивановичъ ходилъ рядомъ съ ней, и не переставая любовался ею. Глядя на нее, онъ вспоминалъ всѣ тѣ милыя рѣчи, которыя онъ слышалъ отъ нея, все, что зналъ про нее хорошаго, и все болѣе и болѣе сознавалъ, что чувство, которое онъ испытываетъ къ ней, есть что-то особенное, испытанное имъ давно-давно, и одинъ только разъ, въ первой молодости. Чувство радости отъ близости

къ ней, все усиливалась, дошло до того, что подавая ей въ ея корзинку найденный имъ огромный на тонкомъ корнѣ съ завернувшимися краями березовый грибъ, онъ взглянулъ ей въ глаза, и замѣтивъ краску радостнаго и испуганнаго волненія, покрывшую ея лицо, самъ смутился, и улыбнулся ей молча такою улыбкой, которая слишкомъ много говорила.

«Если такъ», сказалъ онъ себѣ, «я долженъ обдумать и рѣшить, а не отдаваться, какъ мальчикъ, увлеченю минуты».

— Пойду теперь независимо отъ всѣхъ собирать грибы, а то мои пріобрѣтенія незамѣтны,—сказалъ онъ, и пошелъ одинъ съ опушки лѣса, гдѣ они ходили по шелковистой низкой травѣ между рѣдкими старыми березами, въ середину лѣса, гдѣ между бѣлыми березовыми стволами сѣрѣли стволы осины и темнѣли кусты орѣшника. Отойдя шаговъ сорокъ, и зайдя за кустъ бересклета въ полномъ цвѣту съ его розово-красными сережками, Сергѣй Ивановичъ, зная, что его не видятъ, остановился. Вокругъ него было совершенно тихо. Только вверху березъ, подъ которыми онъ стоялъ, какъ рой пчелъ, неумолкаемо шумѣли мухи, и изрѣдка доносились голоса дѣтей. Вдругъ, недалеко съ края лѣса прозвучалъ контратльтовый голосъ Вареньки, звавшій Гришу, и радостная улыбка выступила на лицо Сергѣя Ивановича. Сознавъ эту улыбку, Сергѣй Ивановичъ покачалъ неодобрительно головой на свое состояніе, и, доставъ сигару, сталъ закуривать. Онъ долго не могъ зажечь спичку о стволѣ березы. Нѣжная пленка бѣлой коры облѣпляла фосфоръ, и огонь тухъ. Наконецъ одна изъ спичекъ загорѣлась, и пахучій дымъ сигары колеблющеся широкою скатертью опредѣленно потянулся впередъ и вверхъ надъ кустомъ подъ спускавшейся вѣтки

березы. Слѣдя глазами за полосой дыма, Сергѣй Ивановичъ пошелъ тихимъ шагомъ, обдумывая свое состояніе.

«Отчего же и нѣтъ?» думалъ онъ. Еслибъ это была вспышка или страсть, еслибъ я испытывалъ только это влеченіе—это взаимное влеченіе (я могу сказать *взаимное*), но чувствовалъ бы, что оно идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ складомъ моей жизни,—еслибъ я чувствовалъ, что отдавшись этому влеченію я измѣняю своему призванію и долгу... но этого нѣтъ. Одно, чтѣ я могу сказать противъ, это то, что, потерявъ Marie, я говорилъ себѣ, что останусь вѣренъ ея памяти. Одно это я могу сказать противъ своего чувства... «Это важно», говорилъ себѣ Сергѣй Ивановичъ, чувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что это соображеніе для него лично не могло имѣть никакой важности, а развѣ только портило въ глазахъ другихъ людей его поэтическую роль. «Но кромѣ этого, сколько бы я ни искалъ, я ничего не найду, чтѣ бы сказать противъ моего чувства. Еслибы я выбиралъ однимъ разумомъ, я ничего не могъ бы найти лучше!»

Сколько онъ ни вспоминалъ женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ онъ зналъ, онъ не могъ вспомнить дѣвушки, которая бы до такой степени соединяла всѣ, именно всѣ качества, которыя онъ, холодно разсуждая, желалъ видѣть въ своей женѣ. Она имѣла всю прелесть и свѣжесть молодости, но не была ребенкомъ, и, если любила его, то любила сознательно, какъ должна любить женщина: это было одно.

Другое: она была не только далека отъ свѣтскости, но очевидно имѣла отвращеніе къ свѣту, а вмѣстѣ съ тѣмъ знала свѣтъ, и имѣла всѣ тѣ приемы женщины хорошаго общества, безъ которыхъ для Сергѣя Ивановича была немыслима подруга жизни. Третье: она была религіозна, и не какъ ребенокъ безотчетно религіозна и добра, какою

была, напримѣръ, Кити; но жизнь ея была основана на религіозныхъ убѣжденіяхъ. Даже до мелочей Сергѣй Ивановичъ находилъ въ ней все то, чего онъ желалъ отъ жены: она была бѣдна и одинока, такъ-что она не приведеть съ собой кучу родныхъ и ихъ вліяніе въ домъ мужа, какъ это онъ видѣлъ на Кити, а будетъ всѣмъ обязана мужу, чего онъ тоже всегда желалъ для своей будущей семейной жизни. И эта дѣвушка, соединявшая въ себѣ всѣ эти качества, любила его. Онъ былъ скроменъ, но не могъ не видѣть этого. И онъ любилъ ее. Одно соображеніе противъ—были его года. Но его порода долговѣчна, у него не было ни одного сѣдаго волоса, ему не давалъ никто сорока лѣтъ, и онъ помнилъ, что Варенька говорила, что только въ Россіи люди въ пятьдесятъ лѣтъ считаютъ себя стариками, а что во Франціи пятидесятилѣтній человѣкъ считаетъ себя *dans la force de l'age*, а сорокалѣтній — *un jeune homme*. Но чѣмъ значиль счетъ годовъ, когда онъ чувствовалъ себя молодымъ душой, какимъ онъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ? Развѣ не молодость было то чувство, которое онъ испытывалъ теперь, когда, выйдя съ другой стороны опять на край лѣса, онъ увидѣлъ на яркомъ свѣтѣ косыхъ лучей солнца граціозную фигуру Вареньки, въ желтомъ платьѣ и съ корзинкой, шедшей легкимъ шагомъ мимо ствола старой березы, и когда это впечатлѣніе вида Вареньки слилось въ одно съ поразившимъ его своею красотой видомъ облитаго косыми лучами желтѣющаго овсянаго поля, и за полемъ далекаго старого лѣса, испещренного желтизною, тающаго въ синей дали. Сердце его радостно сжалось. Чувство умиленія охватило его. Онъ почувствовалъ, что рѣшился. Варенька, только-что присѣвшая, чтобы поднять грибъ, гибкимъ движеніемъ поднялась и оглянулась. Бросивъ сигару, Сергѣй Ивановичъ рѣшительными шагами направился къ ней.

V.

— «Варвара Андреевна, когда я былъ еще очень молдъ, я составилъ себѣ идеалъ женщины, которую я полюбилъ и которую я буду счастливъ назвать своею—женой. Я прожилъ длинную жизнь, и теперь въ первый разъ встрѣтилъ въ васъ то, чего искалъ. Я люблю васъ и предлагаю вамъ руку».

Сергѣй Ивановичъ говорилъ себѣ это въ то время, какъ онъ былъ уже въ десяти шагахъ отъ Вареньки. Опустившись на колѣни, и защищая руками грибъ отъ Гриши, она звала маленькую Машу.

— Сюда, сюда! Маленькие! Много! — своимъ милымъ груднымъ голосомъ говорила она.

Увидавъ подходившаго Сергѣя Ивановича, она не поднялась и не перемѣнила положенія; но все говорило ему, что она чувствуетъ его приближеніе и радуется ему.

— Что вы нашли что-нибудь? — спросила она изъ-за бѣлаго платка, поворачивая къ нему свое красивое тихо-улыбающееся лицо.

— Ни одного,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—А вы?

Она не отвѣчала ему, занятая дѣтьми, которыя окружали ее.

— Еще этотъ, подлѣ вѣтки,—указала она маленькой Машѣ маленькую сыройшку, перерѣзанную поперекъ своей упругой розовой шляпки сухою травинкой, изъ-подъ которой она выдиралась. Варенька встала, когда Маша, разломивъ на двѣ бѣлые половинки, подняла сыройшку.—Это мнѣ дѣтство напоминаетъ, — прибавила она, отходя отъ дѣтей рядомъ съ Сергеемъ Ивановичемъ.

Они прошли молча нѣсколько шаговъ. Варенька видѣ-

ла, что онъ хотѣлъ говорить; она догадывалась о чёмъ, и замирала отъ волненія радости и страха. Они отошли такъ далеко, что никто уже не могъ бы слышать ихъ, но онъ все еще не начиналъ говорить. Варенькѣ лучше было молчать. Послѣ молчанія можно было легче сказать то, что они хотѣли сказать, чѣмъ послѣ словъ о грибахъ; но противъ своей воли, какъ-будто нечаянно, Варенька сказала:

— Такъ вы ничего не нашли? Впрочемъ въ серединѣ лѣса всегда меныше.

Сергѣй Ивановичъ вздохнулъ, и ничего не отвѣчалъ. Ему было досадно, что она заговорила о грибахъ. Онъ хотѣлъ воротить ее къ первымъ словамъ, которыя она сказала о своемъ дѣтствѣ; но, какъ-бы противъ воли своей, помолчавъ нѣсколько времени, сдѣлалъ замѣченіе на ея послѣднія слова.

— Я слышалъ только, что бѣлые бываютъ преимущественно на краю, хотя я и не умѣю отличить бѣлаго.

Прошло еще нѣсколько минутъ, они отошли еще дальше отъ дѣтей, и были совершенно одни. Сердце Вареньки било такъ, что она слышала удары его, и чувствовала, что краснѣетъ, блѣднѣетъ и опять краснѣетъ.

Быть женой такого человѣка, какъ Кознышевъ, послѣ своего положенія у госпожи Шталь представлялось ей верхомъ счастья. Кромѣ того, она почти была увѣрена, что она влюблена въ него. И сейчасъ это должно было рѣшиться. Ей страшно было. Страшно было и то, что онъ скажетъ, и то, что онъ не скажетъ.

Теперь, или никогда надо было объясниться; это чувствовалъ и Сергѣй Ивановичъ. Все, во взглядѣ, въ румянцѣ, въ опущенныхъ глазахъ Вареньки, показывало болѣзненное ожиданіе. Сергѣй Ивановичъ видѣлъ это и

жалѣлъ ее. Онъ чувствовалъ даже то, что ничего не сказать теперь значило оскорбить ее. Онъ быстро въ умѣ своемъ повторялъ себѣ всѣ доводы въ пользу своего рѣшенія. Онъ повторялъ себѣ и слова, которыми онъ хотѣлъ выразить свое предложеніе; но вмѣсто этихъ словъ, по какому-то неожиданно пришедшему ему соображенію, онъ вдругъ спросилъ:

— Какая же разница между бѣлымъ и березовымъ?

Губы Вареньки дрожали отъ волненія, когда она отвѣтила:

— Въ шляпкѣ почти нѣтъ разницы, но въ корнѣ.

И, какъ только эти слова были сказаны, и онъ и она поняли, что дѣло кончено, что то, что должно было быть сказано, не будетъ сказано,—и волненіе ихъ, дошедшее предъ этимъ до высшей степени, стало утихать.

— Березовый грибъ — корень его напоминаетъ двухдневную небритую бороду брюнета,—сказалъ уже покойно Сергѣй Ивановичъ.

— Да, это правда,—улыбаясь, отвѣчала Варенька, и невольно направленіе ихъ прогулки измѣнилось. Они стали приближаться къ дѣтямъ. Варенькѣ было и больно, и стыдно, но вмѣстѣ съ тѣмъ она испытывала и чувство облегченія.

Возвратившись домой и перебирая всѣ доводы, Сергѣй Ивановичъ нашелъ, что онъ разсуждалъ неправильно. Онъ не могъ измѣнить памяти Marie.

— Тише, дѣти, тише! — даже сердито закричалъ Левинъ на дѣтей, становясь предъ женой, чтобы защитить ее, когда толпа дѣтей съ визгомъ радости разлетѣлась имъ на встречу.

Послѣ дѣтей вышли изъ лѣсу и Сергѣй Ивановичъ съ

Варенькой. Кити не нужно было спрашивать Вареньку; она, по спокойнымъ и нѣсколько пристыженнымъ выраженіямъ обоихъ лицъ, поняла, что планы ся не сбылись.

— Ну чтд?—спросилъ ее мужъ, когда они опять возвращались домой.

— Не беретъ,—сказала Кити, улыбкой и манерой говорить напоминая отца, что часто съ удовольствіемъ замѣчалъ въ ней Левинъ.

— Какъ не беретъ?

— Вотъ такъ,—сказала она, взявъ руку мужа, поднося ее ко рту и дотрогиваясь до нея не раскрытыми губами.—Какъ у архіерея руку цѣлуютъ.

— У кого же не беретъ?—сказалъ онъ, смѣясь.

— У обоихъ. А надо, чтобы вотъ такъ...

— Мужики ъдутъ...

— Нѣтъ, они не видали.

VI.

Во время дѣтскаго чая, большіе сидѣли на балконѣ и разговаривали такъ, какъ-будто ничего не случилось, хотя всѣ, и въ особенности Сергѣй Ивановичъ и Варенька, очень хорошо знали, что случилось, хотя и отрицательное, но очень важное обстоятельство. Они испытывали оба одинаковое чувство, подобное тому, какое испытываетъ ученикъ послѣ неудавшагося экзамена, оставшись въ томъ же классѣ, или навсегда исключенный изъ заведенія. Всѣ присутствующіе, чувствуя тоже, что что-то случилось, говорили оживленно о постороннихъ предметахъ. Левинъ и Кити чувствовали себя особенно счастливыми и любовными въ нынѣшній вечеръ. И что они были счастливы своею любовью, это заключало въ себѣ непріят-